

III.

За тяжелой порою детства и отрочества, омраченной ранним знакомством со всей грязью и ужасом крепостного строя русской жизни, последовала еще более безрадостная и мрачная юность. Вскоре она затмила собою самые ужасные воспоминания ранних лет, и, как это часто случается, юноше начало даже казаться, что позади остались одни только "ручейки, долины, холмики, лески и все, чемъ *"въ доле беззаботной въ деревне, счастливъ земледель,* чему-бъ теперь опять охотно душой предаться я хотель" ("Мечты и Звуки").

Я былъ несчастней,--

Сравниваетъ онъ дальше свою долю съ долей земляка-товарища, тоже попавшаго въ Петербургъ:

Я пиль дольше
Очарованье бытія,
За то потомъ и плакалъ больше,
И громче жаловался я.

Какъ известно, благодаря ссоре съ отцомъ, сынъ богатаго сравнительно помещика, Некрасовъ очутился одинъ одинешенекъ на улицахъ Петербурга въ положеніи почти нищаго; но на психологическую сторону этого превращенія какъ-то мало обращалось до сихъ поръ вниманія. По исключеніи изъ гимназіи, поэту грозила серьезная опасность пойти по следамъ предковъ, въ ранніе годы поступавшихъ въ военную службу и тамъ, въ душной атмосфере казармы, заканчивавшихъ свое воспитаніе или, лучше сказать, развращеніе, начатое въ рабовладельческой усадьбе. Военщина являлась въ те времена не только последнимъ прибежищемъ для всехъ недорослей изъ дворянъ, неудачниковъ на другихъ путяхъ жизни, но и окружена была въ глазахъ обывателя известнымъ ореоломъ, какъ одна изъ наиболее завидныхъ жизненныхъ карьеръ. О такой карьере для сына мечталъ отецъ; толкали юношу на проторенный путь и матеріальныя затрудненія родителей: семья ихъ все росла, а денежные средства, благодаря широкимъ привычкамъ главы дома, все таяли; на продолжительную и значительную поддержку изъ дому Некрасовъ рассчитывать поэтому не могъ. И вотъ, летомъ 1838 г., его отправили съ рекомендательнымъ письмомъ къ жандармскому генералу Полозову въ Петербургъ, для поступленія на казенный счетъ въ одинъ изъ кадетскихъ корпусовъ.

Въ Петербургъ Некрасовъ явился, письмо Полозову передалъ, во - вместо корпуса - сталъ готовиться къ экзаменамъ въ университетъ и, какъ бы бросая вызовъ ненавистному прошлому, въ сентябрьской книжке "Сына Отечества" напечаталъ первое свое стихотвореніе "Мысль":

Спать дряхлый міръ, спать старецъ обветшалый!..

Биографы поэта утверждаетъ, что все это вышло случайно Некрасовъ познакомился, молъ, со студентомъ Глушицкимъ, и тотъ такъ "увлекъ его рассказами о преимуществахъ университетскаго образованія", что мысль о корпусе была брошена. Въ действительности врядъ-ли произошло это такъ ужъ случайно: ведь не Глушицкій же заставилъ Некрасова, почти на другой день по приезде въ Петербургъ, понести свои стихи въ журналъ Полевого; очевидно, и самъ поэтъ, не хуже другихъ, понималъ все преимущества интеллектуальной карьеры передъ фронтовой шагистикой. Знакомство съ студенческимъ кружкомъ сыграло, по всей вероятности, въ его решеніи лишь роль последней капли, переполняющей чашу.

Впоследствии, уже после смерти Некрасова, Достоевскій, вытаясь найти ключъ къ этому загадочному, "раненому въ самомъ начале жизни" сердцу, писалъ въ известной некрологической статьѣ: "милліонъ - вотъ демонъ Некрасова... демонъ, который осилилъ, и человекъ остался на месте - и никуда не пошелъ"... Достоевскій, какъ это часто случалось съ нимъ, увлекся въ этомъ случае яркимъ парадоксомъ, въ явный ущербъ истине и справедливости {Характерно, между прочихъ, что Достоевскій для иллюстраціи своего обвиненія выбралъ стихотвореніе Некрасова "Секретъ". "Суть той мрачной; и мучительной

половины жизни нашего поэта как бы предсказана им же" самимъ, еще на заре дней его, въ одномъ изъ самыхъ первоначальныхъ стихотвореній"... Приводится далее цитата, оканчивающаяся стихами:

Да сорокъ летъ минуло времени -
Въ кармане моемъ милліонъ!..

"Милліонъ - вотъ демонъ Некрасова... Этотъ демонъ присосался еще къ сердцу ребенка, ребенка пятнадцати летъ, очутившагося на петербургской мостовой, почти бежавшаго отъ отца... Тогда-то и начались, быть можетъ, мечтанія Некрасова, можетъ быть, и сложились тогда же на улице стихи: въ кармане моемъ милліонъ". Такимъ образомъ уродливый герой этой ядовитой сатиры ("И вотъ тебе, *коршунъ*, награда за жизнь *воровскую* твою!") съ помощью какой-то непонятной эквилибристики превращается у Достоевскаго въ самого Некрасова, мечтающаго о милліоне!.. Казалось бы, скорее можно было воспользоваться другимъ Некрасовскимъ стихотвореніемъ:

Я за то глубоко презираю себя,
.....
Что, доживши кой-какъ до тридцатой весны,
Не нажилъ я себе хоть богатой казны,
Чтобъ глупцы у моихъ пресмыкалися ногъ,
Да и умникъ подчасъ позавидовать могъ!

Къ первоначальному заголовку этой пьесы "Изъ Ларры" Некрасовъ сделалъ, какъ известно, примечаніе: "Неправда. Приписано Ларре по странности содержанія. *Искреннее*. Написано во время гощенія у Г. (Грановскаго?). *Можетъ быть, наваяно тогдашними разговорами*". - Такимъ образомъ, хотя стихотвореніе и "искреннее", наваяно оно все же минутнымъ настроеніемъ, и странно было бы пользоваться подобнымъ матеріаломъ для характеристики души поэта.}

Безспорно, что Некрасову хорошо знакомъ былъ "мрачный и унижительный бесъ,-- бесъ гордости, жажды самообезпеченія, потребности оградиться отъ людей твердою стеною и независимо, спокойно смотреть на ихъ злость и угрозы; но неправда, что этотъ унижительный демонъ такъ ужъ безраздельно владелъ его душою, неправда, что жажда самообезпеченія была, центральнымъ двигательнымъ нервомъ духовной жизни Некрасова. Если даже и верно, что въ юности онъ поклялся "не умереть на чердаке", то клятва эта имела, конечно, не прямой а грубый смыслъ стремленія къ богатству и наживе (какъ толкуютъ, друзья - недруги поэта), а смыслъ более сложный и глубокий;: страшно и обидно казалось юноше-Некрасову погибнуть на чердаке, т. е. въ безвестности и безсиліи, со всею ненавистью и любовью, какія бушевали въ его рано оскорбленномъ сердце! Это отнюдь не произвольное толкованіе. Мы придаемъ огромное значеніе "аннибаловой клятве" Тургенева, выразившаго свой протестъ противъ крепостного права въ свойственной ему форме мягкихъ художественныхъ образовъ, которые такъ восхищаютъ насъ въ "Запискахъ Охотника". Но разве можно сравнить по силе этотъ протестъ съ пламеннымъ протестомъ Некрасова, всю жизнь буквально горевшаго "святымъ безпокойствомъ" за судьбы народа? Здесь передъ нами поистине всеобъемлющая страсть, о которой поэтъ имель бы право сказать словами лермонтовскаго героя:

Я зналъ одной лишь думы власть,
Одну, но пламенную страсть:
Она, какъ червь, во мне жила,
Изгрызла душу и сожгла!
Я эту страсть во тьме ночной
Вскормилъ слезами и тоской...

Эта страсть проникла въ душу Некрасова еще въ раннемъ детстве, на волжскомъ берегу, при виде шедшихъ бичевою и певшихъ заунывныя песни бурлаковъ.

О, горько, горько я рыдалъ,
Когда въ то утро я стоялъ

На берегу родной реки
И въ первый разъ ее назваль
Рекою рабства и тоски!..
Что я въ ту пору замышляль,
Созвавъ товарищей-детей,
Какія клятвы я даваль -
Пускай умреть въ душе моей,
Чтобъ кто-нибудь не осмеяль! *)

* Не смотря ни подзаголовокъ "Детство Валежникова", сразу видно, что въ поэме "На Волге" Некрасовъ рисуетъ собственное детство. По первоначальному плану, стихотвореніе это составляло часть большой поэмы "Рыцарь на часъ", и пьеса, теперь известная подъ этимъ заглавіемъ, называлась въ прежнихъ изданіяхъ: "Изъ поэмы *Рыцарь на часъ*, гл. IV: Валежниковъ въ деревне".

Но, говорятъ,-- "демонъ самообезпеченія" все-таки очень рано присосался къ сердцу Некрасова и отравилъ его навсегда... Какъ, однако, странно поведеніе этого "демона"! Целыхъ восемь летъ (1888--1846) человекъ подвергается опасности зачахнуть отъ непосильной и неблагодарной работы, даже буквально умереть съ голоду, а между темъ - стоило ему вернуться на лоно благонамеренности и, помирившись съ отцомъ, поступить въ корпусъ, и онъ снова былъ бы сытъ, обезпеченъ, и будущее улыбалось бы ему въ виде, быть можетъ, блестящей военной карьеры. "Онъ былъ бы, если бы захотель,-- говорить Н. К. Михайловскій,- - блестящимъ генераломъ, выдающимся ученымъ, богатейшимъ купцомъ. Это мое личное мненіе, которое, я думаю, впрочемъ, не удивить никого изъ знавшихъ Некрасова". Однако, мы знаемъ, что за все годы своей тяжелой юности онъ ни разу не подумалъ ни объ одной изъ подобныхъ возможностей "самообезпеченія"... Рисуя впоследствии въ "Несчастныхъ" душевное состояніе юноши, заброшеннаго въ столичный омутъ, поэтъ писалъ:

Счастливъ, кому мила дорога
Стяжанья, кто ей верень былъ
И въ жизни ни однажды Бога
Въ пустой груди не ощутилъ.
Но если *той тревоги смутной*
Не чуждо сердде - пропадешь!
Въ глухую полночь, безпріютный
По стогнамъ города пройдетъ.

Такъ именно и было съ Некрасовымъ. Не "дорога стяжанья" пленяла его; душой его владела иная властная сила, иная "смутная тревога" въ виде страстной любви къ литературе (единственно возможной въ те времена форме служенія родине и народу), и, не смотря на все частныя ошибки и, быть можетъ, даже паденія, сила эта всегда брала въ его душе верхъ. Ниже мы помещаемъ записку Г. З. Елисеева, чрезвычайно интересно и оригинально освещающую эту сторону личности Некрасова; пока же ограничимся сказаннымъ и вернемся къ юнымъ годамъ поэта, къ темъ обстоятельствамъ, при которыхъ окончательно сформировались его личность и поэзія.

Первые годы пребыванія Некрасова въ Петербургѣ совпали съ однимъ изъ самыхъ печальныхъ и мрачныхъ періодовъ русской журналистики вообще, и петербургской въ особенности. Впоследствии самъ Некрасовъ такъ охарактеризовалъ его:

Въ то время пусто и мертво
Въ литературе нашей было.
Скончался Пушкинъ - безъ него
Любовь къ ней публики остыла.
Ничья могучая рука
Ее не направляла къ цели;
Лишь два задорныхъ поляка
На первомъ плане въ ней шумели...

И въ самомъ деле, со смертю Пушкина литературный діапазонъ сразу резко понизился... Лучшіе элементы приуныли и пали духомъ, худшіе - подняли голову и обнаглели... Что касается общества, то оно еще помнило, какъ рассказываетъ Тургеневъ въ "Литерат. и жит. воспоминаніяхъ", "ударъ, обрушившійся на самыхъ видныхъ его представителей летъ двенадцать передъ темъ; и изъ всего того, что проснулось въ немъ впоследствии, особенно после 55 г., ничего даже не шевелилось, а только бродило,-- глубоко, но смутно - въ некоторыхъ молодыхъ умахъ. Литературы, въ смысле живого проявленія одной изъ общественныхъ силъ, находящагося въ связи съ другими, столь же и более важными, проявленіями ихъ - не было, какъ не было прессы, какъ не было гласности, какъ не было личной свободы; а была словесность - и были такіе словесныхъ дель мастера, какихъ мы уже потомъ не видали".

Действительно, не только въ талантливыхъ, но даже и въ геніальныхъ представителяхъ литературы въ конце 30-хъ годовъ не было недостатка; загоралась яркая звезда Лермонтова; къ голосу Белинского уже прислушивалась вся юная Россія; Гоголь былъ признаннымъ главою "натуральной школы"; живъ еще былъ и Жуковский... Но Белинский лишь въ самомъ конце 89 г. переехалъ изъ Москвы въ Петербургъ, и въ письмахъ отсюда къ московскимъ пріятелямъ долгое время жаловался на полное одиночество. Жуковский жилъ при дворе и отъ журнальнаго міра всегда стоялъ въ стороне. Лермонтовъ,-- когда не находился въ ссылке,-- вращался также въ высшемъ обществе и къ литературе относился съ показнымъ пренебреженіемъ. Наконецъ, Гоголь въ которомъ въ это время начинался уже печальный внутренній переломъ въ сторону піэтизма, жилъ большею частью въ Риме и лишь редкими наездами бывалъ въ Москве и Петербурге.

Во времена Пушкина,-- кроме него самого, издававшего "Современникъ",-- во главе журналистики стоялъ такой даровитый и смелый боецъ за правду, какъ Полевой, но къ концу 30-хъ годовъ отъ этого смелаго бойца уже оставалась одна жалкая тень. Жизнь заставила его пойти на компромиссы и, сильно подавшись вправо, сделавшись поставщикомъ псевдопатріотическихъ драмъ и фактическимъ редакторомъ грече-булгаринскаго "Сына Отечества", онъ близко подошелъ къ направленію "Северной Пчелы". Духъ "двухъ задорныхъ Полякову", т. е. Булгарина и Сеньковского, занялъ вообще въ эти годы непропорціонально-большое место въ петербургской журналистике. Несомненно, Сеньковский былъ чище Булгарина, даровитее его и умнее, но умъ его, по остроумному выраженію баснописца Крылова, былъ "какой-то дурацкій", лишенный всякихъ принциповъ. Журналъ его, гремевшая въ 30-хъ годахъ и имевшая до 7000 подписчиковъ "Библиотека для чтенія", сеяла въ умахъ читателей легкомысленное, "веселое" отношеніе решительно ко всемъ явленіямъ литературы и жизни... Въ этомъ смысле рука объ руку съ "Библ. для Ч." шли довольно многочисленные въ эти годы альманахи, сборники и другіе полу-лубочныя изданія, единственною причиною возникновенія которыхъ былъ расчетъ издателей-барышниковъ на пробуждающуюся въ русской публике охоту въ чтенію. Пушкинскій "Современникъ", въ рукахъ корректнаго, но скучноватаго профессора эстетики Плетнева, влачилъ жалкое существованіе; "Отеч. же Записки", после продолжительнаго перерыва возобновившіяся въ январе 1839 г., только съ конца этого года, съ переездомъ Белинского въ Петербургъ, когда и все его московскіе пріятели (Боткинъ, Грановскій, Кудрявцевъ, Герценъ) перекочевали въ этотъ журналъ, стали приобретать постепенно значеніе боевого либеральнаго органа.

Въ такое-то время явился въ Петербургъ Некрасовъ, полный радужныхъ юношескихъ мечтаній и горячей веры въ литературу, какъ въ единственно-возможную въ то время форму разумной и свободной деятельности. Неопытный новичокъ-провинціалъ, мала развитой къ литературномъ смысле юноша, онъ не умелъ еще разбираться въ тогдашнихъ литературныхъ партіяхъ и направленіяхъ, и, по всей вероятности, какой-нибудь Гречъ или Сеньковский ничемъ ровно не отличался въ его глазахъ отъ Полевога или Краевского. По крайней мере, стихи Некрасова начали появляться безразлично въ "Литерат. Газете", "Библиотеке для Чте." "Сыне Отечества", "Прибав. къ Инвалиду" и пр.; только собственное природное чутье привело его въ конце концовъ въ кружокъ Белинскаго. Но случилось это, къ сожаленію, не такъ скоро...

"За славой я въ столицу торопился",-- вспоминалъ позже самъ поэтъ. И действительно, едва успевъ напечатать въ журналахъ десятокъ, другой детскихъ стихотвореній, едва успевъ ознакомиться съ дешевыми лаврами и дорогими терніями литературной дороги (въ виде холода, голода и одиночества въ большомъ городе), ровно годъ спустя по прибытіи въ

Петербургъ, онъ уже сдалъ въ цензуру книжечку своихъ стихотвореній. Въ біографіяхъ Некрасова сообщается обыкновенно, что къ этому времени нужда уже настолько выпустила его изъ своихъ когтей, что онъ сумелъ даже сделать кой-какія сбереженія для выпуска въ светъ книги. Но это, конечно, явное недоразуменіе. Деньги на изданіе собраны были Бенецкимъ по подписке, и настоящая нужда Некрасова съ осени 89 г., т. е. съ поступленія его въ вольнослушатели университета и окончательнаго разрыва съ отцомъ, еще только начиналась: съ этого времени въ теченіе двухъ-трехъ летъ шла непрерывная борьба за существованіе въ буквальномъ смысле слова,-- съ ночевками въ ночлежныхъ пріютахъ, жизнью въ сырыхъ углахъ и подвалахъ, корпениемъ за черной литературной работой, едва спасавшей поэта отъ голодной смерти.

О неудачномъ литературномъ дебюте Некрасова мы уже говорили. Собственныхъ признаній поэта на счетъ впечатленія, какое произвело на него это событіе, у насъ, къ сожаленію, нѣтъ. Все говоритъ, однако, за то, что здоровое критическое чутье Некрасова, сила его большого природнаго ума подсказали ему, что если приговоръ Белинскаго и былъ несколько резокъ на формѣ, то по существу заключалъ въ себѣ много правды: на почвѣ абстрактныхъ лирическихъ изліяній Некрасовъ не могъ бы пойти далеко. Несравненные художники, какъ Пушкинъ и Лермонтовъ, умели превращать въ настоящіе брилліанты поэзіи все, къ чему ни прикасались. Такъ, Лермонтовъ, уже въ очень ранніе годы, не смотря на поверхностное знакомство съ жизнью, на основаніи лишь "внутреннихъ виденій своего духа" (выраженіе Белинскаго) могъ создавать вещи вроде "Ангела" или "Паруса", не уступающіе позднейшимъ его шедеврамъ. Но это - завидное право генія, являющагося, можетъ быть, разъ въ столетіе... По счастью, Некрасовъ рано понялъ это, онъ принялъ свою неудачу, какъ заслуженную, и съ чисто-юношескимъ ригоризмомъ решилъ, что онъ совсемъ не поэтъ. По крайней мерѣ, мы знаемъ, что после плачевнаго опыта съ "Мечтами и звуками" онъ надолго оставилъ писанье лирическихъ стиховъ, а къ самой этой книжкѣ отнесся съ безпощадной свирепостью: все уцелевшіе отъ продажи экземпляры (а они составляли, вероятно, значительнейшую часть изданія) немедленно уничтожилъ; во все позднѣйшія изданія своихъ стихотвореній никогда не включалъ изъ "Мечтаній и звуковъ" ни одной пьесы и до конца жизни не любилъ даже вспоминать о нихъ. Наконецъ, ни малейшаго непріязненнаго чувства не сохранилъ онъ и къ своему неумолимо-строгому судье Белинскому, къ которому, наоборотъ, съ перваго же дня личнаго знакомства сталъ относиться съ благоговеніемъ самаго предай* наго и вернаго ученика (и благоговеніе это донесъ до могилы). Можно думать, что, вращаясь въ студенческихъ кружкахъ Петербурга, Некрасовъ уже и въ моментъ выпуска своей злополучной книги хорошо зналъ имя Белинскаго и высоко его ценилъ,-- оттого-то онъ и принялъ такъ къ сердцу приговоръ великаго критика.

Чего, однако, стоило этому гордому, замкнутому, "съ самаго начала жизни раненому" сердцу такое безмолвное и, повидимому, спокойное отреченіе отъ заветной юношеской мечты? Объ этомъ, повторяемъ, сведеній мы не имеемъ, хотя и не трудно представить себѣ внутреннюю бурю, пережитую поэтомъ. Инстинктъ тянулъ къ литературѣ и поэзіи, продолжая, быть можетъ, подсказывать: "здесь твое призваніе, твое законное место!" А разсудокъ и опытъ жизни говорили другое: "Стой! ты - не поэтъ, а только мечтатель... Войти въ этотъ храмъ ты недостойнъ".

Да, это была тяжелая внутренняя драма. Въ теченіе несколькихъ летъ рефлексія одерживала верхъ надъ инстинктомъ, и Некрасовъ шелъ по дороге литературнаго чернорабочаго. Но, съ другой стороны, именно въ томъ обстоятельстве, что онъ на бросилъ все-таки литературы, сказалась могучая сила инстинкта настоящаго таланта. Въ лицѣ Некрасова мы имеемъ яркій примеръ того, что значить крупное литературное дарованіе: точно стихійная сила, рано или поздно оно неудержимымъ потокомъ прорвется наружу, не смотря ни на какія искусственныя преграды плотины! Не смотря на всю тяжесть нужды, Некрасовъ никуда не пошелъ отъ литературы. Не удалось въ качествѣ признаннаго жреца войти въ храмъ,-- онъ остался у воротъ храма, въ качествѣ простого подметальщика сора, рецензента, куплетиста, фельетониста, лишь бы быть *возле* литературы! Даже умирая съ голоду, не покидалъ онъ своего поста, пока, наконецъ, терпеніе, упорный трудъ, горячая любовь, случай (въ видѣ знакомства съ Белинскимъ), а главное - развернувшійся постепенно талантъ не вывели на широкую дорогу славы...

Въ біографіяхъ Некрасова этотъ періодъ его жизни признается однимъ изъ самыхъ темныхъ. Если не считать отрывочныхъ разсказовъ самого поэта о некоторыхъ исключительныхъ моментахъ его тогдашняго житья-бытья (вроде скитаній по ночлежнымъ домамъ и кухмистерскимъ низшаго разбора), да его же краткаго признанія, что онъ "попалъ въ такой литературный кружокъ, въ которомъ скорее можно было отупеть, чѣмъ развиться", то мы, действительно, не имеемъ ровно никакихъ біографическихъ свѣдѣній за время отъ 1840 до 1845 года. Но если, съ другой стороны, перебрать все написанное Некрасовымъ за эти 4--5 летъ (за всю жизнь онъ написалъ, по собственному его признанію, до 300 печ. листовъ *прозы*, и, конечно, значительная ихъ доля падаетъ на юношескіе годы), то станетъ вполне ясно, что бедному юноше было въ это время не до "жизни" въ настоящемъ смысле этого слова! Нужно отъ души пожелать, чтобы нашелся, наконецъ, добросовѣстный изследователь, который взялъ бы на себя трудъ внимательно перечестъ всю грудку юношескихъ писаній Некрасова и проследить, насколько они вызваны были заботой о насущномъ куске хлеба, и насколько отравилась въ нихъ внутренняя жизнь поэта. Кроме многочисленныхъ пародій и юмористическихъ куплетовъ (изъ которыхъ въ общеизвестное собраніе стихотвореній Некрасова вошелъ только "Говорунъ"), Некрасовымъ между 1840--1843 гг. написаны слѣдующіе разсказы и повести {:"Макаръ Осиповичъ Случайный", "Безъ вести пропавшій пиита", "Утро въ редакціи", "Певица", "Въ Сардиніи", "Двадцать пять рублей", "Ростовщикъ", "Капитанъ Кукъ", "Необыкновенный завтракъ", "Помещикъ 23 летъ", "Карета, предсмертныя записки дурака", "Жизнь Александы Ивановны", "Опытная женщина", "Жизнь и люди (философическая сказка)"; затемъ слѣдовали водевили и драмы: "Актеръ", "Шила въ мешке не утаишь", "Феоктистъ Онуфріевичъ Бобъ", "Мужъ не въ своей тарелке". "Дедушкины попугаи", "Вотъ что значить влюбиться въ актрису", "Материнское Благословеніе", "Похожденія Петра Столбикова". Но вся эта беллетристическая производительность должна, кажется, померкнуть передъ массой написанныхъ Некрасовымъ театральныхъ и литературныхъ рецензій. О количестве ихъ можно судить

Свѣденія эти взяты изъ статьи г. В. Горленко "Литературные дебюты Некрасова" ("От. Зап." 1878 г., дек.), дающей, къ сожаленію, лишь очень краткій и далеко не полный перечень и характеристику прозаическихъ опытовъ Некрасова, по тому обстоятельству, что за *одинъ* 1841 годъ и въ *одной* только "Литерат. Газете" г. Горленко насчиталъ ихъ больше тридцати, а между темъ, Некрасовъ писалъ рецензіи постоянно, изъ года въ годъ, помещая почти во всехъ литературныхъ журналахъ 40-хъ годовъ, въ "Русскомъ Инвалиде", "Прибавленіяхъ къ Инвалиду", "Библіотеке для чтенія", "Отеч. Запискахъ", "Пантеоне" и даже "Финскомъ Вестнике"!

Много работалъ также Некрасовъ въ качестве фельетониста... По всего этого мало: нужда привела его и къ лубочнымъ издателямъ (Иванову и Полякову), для которыхъ онъ сочинилъ несколько азбукъ и сказокъ. Въ числѣ послѣднихъ известна большая "русская народная сказка въ стихахъ" (больше 2000 стиховъ), "Баба-Яга, костяная нога". Состояла она изъ восьми главъ; въ первыхъ двухъ авторъ пытается подражать манере "Руслана и Людмилы", въ остальныхъ - народнымъ сказкамъ Пушкина.

Действительной народности въ этой "народной" сказке, также какъ и поэзіи - ни капли; содержаніе ея вполне нелепое, форма - примитивная {Вотъ небольшой образчикъ. Баба-Яга пытается соблазнить герой Булата.

Да и чмокъ его тутъ въ губы...
Чуть Булатъ съ досады зубы
Тутъ колдунье не разбилъ:
"Чтобы чортъ тебя любилъ!--
Закричалъ онъ,-- я не стану...
Я люблю одну Любаву".
Ха-ха-ха! Да хи-хи-хи
И пустилась во смехи:
"Полно, миленькій дружочекъ,
Мой прекрасный жизненочекъ,
Чѣмъ же я тебе худа?
Где же лучше красота?"

Роть немножко ширококонекъ,
Нось изрядно великонекъ,
На макушке есть рога,
Словно кость одна нога,
Да немножко ухо длинно,
Но за то ведь я невинна!
Вотъ что главное, дружокъ..."
И опять Булата чмокъ!

Чуть не выль Булатъ со злости...}. Невольно приходится, въ голову, что "Баба-Яга" писана Некрасовымъ не въ 1841 г., въ Петербурге, а еще въ Ярославле, двумя-тремя годами раньше, теперь же, въ трудную минуту, лишь слегка, быть можетъ, подправлена и пущена на книжную толкучку...

Подъ гнетомъ этого безпросветнаго, безрадостнаго и безнадежнаго чернаго труда проходили годы, лучшіе годы молодости...

Кажется, летомъ 1842 года въ жизни Некрасова случилось знаменательное событіе - примиреніе съ отцомъ и поездка въ родное Грешнево. За время четырехлѣтняго отсутствія поэта, тамъ произошло много печальнаго. Умерла прежде всего любимая сестра его, трагическую судьбу которой рисуютъ слѣдующія строки изъ "Родины":

И ты, делившая съ страдалицей безгласной
И горе, и позоръ судьбы ея ужасной,
Тебя ужъ также нетъ, сестра души моей!
Изъ дома крепостныхъ любовницъ и псарей
Гонимая стыдомъ, ты жребій свой вручила
Тому; котораго не знала, не любила...
Но, матери своей печальную судьбу
На свете повторивъ, лежала ты въ гробу
Съ такой холодною и строгою улыбкой
Что дрогнулъ самъ палачъ, заплакавшій ошибкой.

Другихъ подробностей тяжелой драмы не сохранилось, но легко представить себе, что переживала несчастная мать, сама давно уже сгоравшая и таявшая, какъ свеча. Повидимому, ненадолго до ея смерти въ доме произошла какая-то дикая, грубая сцена, быть можетъ, одна изъ многихъ, какія бывали между бедной страдалицей и ея властелиномъ; на это есть намекъ въ "Рыцаре на часъ": "И гроза надъ тобой разразилась, *ты, не дрогнувъ, ударъ приняла!*..." Самъ "палачъ" не выдержалъ своей роли и, въ позднемъ раскаяніи, упалъ въ ногамъ замученной имъ женщины: "Ты победила! У ногъ твоихъ детей твоихъ отецъ..." Некрасова вызвали изъ Петербурга; но, по всей вероятности, письмо отца написано было въ успокоительномъ тоне, позволявшемъ думать, что непосредственно-близкой опасности больной не грозитъ: по крайней мере, поэтъ не поторопился выехать - и получилъ вскоре известіе, что все уже кончено. Мать Некрасова умерла 29 іюля 1841 года, и когда слѣдующимъ летомъ онъ собрался посетить Грешнево, на могиле ея уже лежала плита съ вырезанной на ней надписью, а въ доме сделаны были постройки и заведены новые порядки.

У той плиты, где ты лежишь, родная,
Припомнилъ я, волнуясь и мечтая,
Что могъ еще увидѣться съ тобой -
И опоздалъ!.. И жизни трудовой
Я преданъ былъ, и страсти, и невгодамъ,
Захлеснуть былъ я невскою волной...

Встреча съ отцомъ имела наружно-мирный характеръ. Къ 20-лѣтнему юноше уже нельзя было относиться, какъ къ мальчику, и возможно, что старикъ испытывалъ теперь даже некоторое почтеніе къ сыну, къ его твердости и уменью стоять на собственныхъ ногахъ. "Съ усталой головой, ^ни живъ, ни мертвъ (я голодалъ по-долгу), ко *горделивъ* - пріехалъ я домой", находимъ въ поэме "Мать" воспоминаніе объ этой поездке на родину.

После смерти жены отец Некрасова прожил еще около 20 лет, но поэт уже редко вспоминает об этом позднейшем периоде его жизни, а если и вспоминает, то с несравненно большей мягкостью; иногда прорываются как-будто, даже теплые нотки:

Буря воеет в саду, буря ломится в домъ...
Я боюсь, чтобъ она не сломила
Старый дубъ, *что посаженъ отцомъ*,
И ту иву, что мать посадила...

(1863 г.).

Мой черный конь, сь Кавказа приведенный,
Умень и смель,-- какъ вихорь, онъ летить;
Еще отцомъ къ охоте приученный,
Какъ вкопанный, при выстреле стоить.

(1874 г.).